Текст · 19 декабря 2024, 09:33
Ярослав Распутин, Роман Поляков,

«У нас пять суицидов в год, можно микрофон нам?» Жизнь, смерть и протесты в нидерландских лагерях для беженцев

Букола Оджо из Карачева Брянской области и Владислав Начиков из Ставрополя встретились в феврале 2023 года в иммиграционной тюрьме в Нидерландах: они почти одновременно попросили убежища в амстердамском аэропорту Схипхол. Вскоре они узнали о самоубийстве Хины Захаренко — такой же беженки из России, как они сами. С тех пор Букола и Влад устраивают митинги и художественные акции, чтобы привлечь внимание к условиям, в которых годами живут и погибают соискатели убежища в Нидерландах. Активистам известно о шести таких случаях, но открытой официальной статистики нет, и на самом деле жертв может быть гораздо больше. Корреспонденты квир-медиа *Just Got Lucky* Ярослав Распутин и Роман Поляков поговорили с Буколой и Владом о жизни на 12 евро в неделю, беспомощности, к которой приучает лагерь, и Илье Яшине — единственном российском политике, который посетил это мрачное место и выслушал его обитателей.

Букола

Я очень часто была участницей митингов, когда жила в Москве. Это все было близко, мне это все было интересно, я закончила госуправление.

Когда пришла война, я поняла, что мои родственники никуда не уедут из России, и, возможно, военные действия перейдут, как видно на примере Берлина, на территорию России. Тогда одним из первых регионов, который начнут бомбить, будет Брянская область. Я решила написать антивоенные письма [губернатору] Богомазу, где было как раз-таки указано, что эта война перейдет на территорию России.

Я не ожидала, что ко мне придут с обысками по прописке. Пришли полицейские с этой распечаткой, с этим письмом к моей тете, и сказали: «Здесь живет террористка, и так далее, сейчас будем проводить шмон».

Я подумала, что это какая-то шутка, это как-то можно решить, можно даже поехать и узнать, что произошло. Мама мне сказала: «Нет, какое узнать, садись на самолет и уезжай». И в «ОВД-Инфо» мне сказали: «Ты можешь, конечно, поехать на доследственную проверку, но это кончится плачевно». И я решила вылететь из России. Это был апрель 2022-го: 15-го числа были обыски, 18-го я улетела.

Я прожила год в Турции, в Стамбуле. Это был такой хаб для российской эмиграции. И потом Турция начала закручивать гайки в отношении русских и не выдавать туристические ВНЖ. В третьих странах получить документы, если ты не жена айтишника, нереально. Было два варианта: попросить убежища в США или в Нидерландах. Но в США — это билет в один конец, там годами ждут решения и никогда оттуда не улетишь, думала я. А в Германии

живет хорошая знакомая семьи, которая может меня навещать. И я «сдалась» в Нидерландах.

Влад

[В 2022 году] я понимал, что все идет к закону о гомофобии, который и приняли. Когда началась мобилизация, случилось так, что через сутки, то ли на следующий день мне уже пришла повестка. Их было в итоге две, то ли три, я не знаю точно их количество. Я понял, что беру билеты и надо уезжать. Если государство считает, что я пушечное мясо и я имею право только отправиться на войну, то у меня нет больше жизни в этом государстве. Для меня важна моя жизнь.

Я переехал в Казахстан. В Казахстане я был буквально пару месяцев. После этого транзитными рейсами я переехал в Нидерланды. Прям точный маршрут не буду сообщать, но да, через транзитные рейсы я оказался в Нидерландах.

Знакомство

Букола. Вообще мы познакомились в иммиграционной тюрьме Схипхол, где проходит первое интервью. Я была на стрессе, не выходила из камеры, я только курила там же и спала. Но потом мне пришлось выйти, потому что какая-то экскурсия была. Я выглядываю, из комнаты валит дым, там группа людей и Влад такой: *«Are you Russland?»* Я отвечаю: «Да, *Russland*» — и захлопываю обратно дверь.

Влад. Нас было человек пять, нам рассказывали про правила поведения в лагере. Тут выглядывает Букола с дымом, говорит: «Да» и закрывается. А я думаю: «О, это мои люди, мне будет с кем говорить по-русски!». Мы пересеклись в тюрьме на четыре дня, а потом нас развезли по разным лагерям.

Букола Оджо. Коллаж: Мария Толстова / Медиазона

Хина

Влад. Хина умерла в феврале [2023 года], примерно когда мы с Буколой прилетели. Я не сразу узнал о ее смерти, даже в новости эта информация не сразу просочилась. То, что происходит в лагерях *СОА*[1], в лучшем случае попадает в локальные СМИ, даже не региональные, не говоря о федеральных и международных. Про них обычно не пишут. Освещение таких случаев влияет на бизнес-рейтинг страны, поэтому это скорее исключение, когда о суицидах становится известно.

Букола. Происходят эти суициды не только с русскими, не только с ЛГБТ, но половина умерших — это беженцы из постсоветского пространства.

Хина написала [в блоге] перед смертью, что в ее лагере огромная очередь на получение гормональной терапии и антидепрессантов. Было странно, потому что в моем лагере девушки получают гормональную терапию без очереди. Но оказалось, у разных *азеце-*

[2] есть свой бюджет и они имеют право его не публиковать. Они распоряжаются им на свое усмотрение: могут хоть футбольное поле построить, хоть в карман положить.

Влад. Если ты находишься в лагере, где только мужчины, тебе могут отказать в гормональной терапии на основании того, что тебя пришлось бы переводить в другой лагерь, а мест нет.

Мы о Хине знали немного еще до того, как прилетели: она была на встрече от *LGBT World Beside* — организации, которая якобы помогает русскоязычным ЛГБТ. После встречи ее добавили в русскоязычный чатик, там порядка трех тысяч человек, не только беженцы, но и экспаты. И в этой группе она начала задавать вопросы вроде: «Я хочу совершить эвтаназию, подскажите, какие законные способы у меня есть?». Другие просители убежища ее начали травить и высмеивать, давали какие-то неуместные советы типа: «С веревкой не очень удобно». Это закончилось тем, что ее сосед нашел ее повешенной на пластиковой вешалке в ванной.

Она сказала соседу, что устала и пошла купаться, ушла в душ. Проходит час, проходит полтора часа — он понял, что что-то не так, попытался выломать дверь, позвал коашников[3], они выломали дверь, и она там висит. И предсмертная записка. Мы не знаем, что там было написано, предсмертные записки не опубличивают.

Митинг

Влад. Это был пиздец, на эмоциях я вышел на первый митинг с требованием ускорить процедуру [предоставления убежища]. Он собрал только пять человек. Сотрудники *IND*[4] и охранники нас немного проигнорировали. Было очень странно получать поддержку именно от ЛГБТ-сообщества в Нидерландах. К нам подходили, с нами здоровались, нам давали контакты, обещали репостить наши акции.

Была небольшая поддержка со стороны украинцев, которые подходили, спрашивали, откуда мы, говорили: «Конкретно вам мы не можем помочь, но мы рядом, мы с вами».

Букола. Влад меня вытащил на свой первый митинг. Я не думала, что я здесь буду заниматься каким-то активизмом, думала, просто буду сидеть в доме и кормить кошек все эти миллионы месяцев. Я, по-моему, только на третий проект Влада поняла, для чего это нужно. Потому что, а кто, если не мы? Если бы не мы с Владом, Яшин не сидел бы вчера[5] у меня дома. Его бы просто не было бы здесь. Потому что российские беженцы, они не хотят этим заниматься. Особенно ЛГБТ.

Влад. На второй митинг пришло уже 50 человек. Мне помогли иммигрантские инициативы *Free Russia NL* и *LGBT World Beside* — у них были анонсы, *Free Russia* купила некоторым участникам билеты. Он тоже не возымел эффекта, мы просто прохожим кричали свои лозунги.

После него меня вызвали в *COA* и стали говорить: «То, что ты привлекаешь к русским суицидам внимание,

это нехорошо. Ты тем самым поддерживаешь смерть этих людей, указываешь на то, что такое поведение приемлемо». И меня начали возить по лагерям. Я не могу назвать, что это прям какое-то совпадение, потому что тут...

Букола. Это не совпадение, тебе не кажется. *COA* — это коррупционная система, и они боятся огласки, любой огласки, любого какого-то выхода за их территорию, они боятся, потому что они потеряют свои деньги, гранты и так далее. Сотрудники получают 5 тысяч евро за ничегонеделание, если это кончится, им придется идти, не знаю, в «Зару» работать. Они сейчас сидят в офисе, ходят по зеленым лужайкам, издеваются над людьми, чувствуют себя королями.

Зубченко

Букола. Михаилу Зубченко дали отказ, так как он бисексуал[6]. *IND* ему сказала: «Раз ты можешь встречаться с женщинами, то не в такой уж ты опасности, не отсвечивай, встречайся с женщинами в России, езжай в Россию». Из-за этого он покончил с собой. На процедуре он находился больше, чем полтора года. У него был сосед, который резался, то есть, Михаил получал стресс даже у себя в комнате. Его довели до суицида сосед и отказ в статусе. В своей предсмертной записке Зубченко писал, что это фильм «Догвилль»[7]. Он не первый, кто сравнивает лагеря с «Догвиллем» или с «Процессом» Кафки.

Я узнала о его смерти из чата беженцев, и меня поразило, что люди такие: «Ну ладно, умер» — и продолжили решать свои какие-то бытовые дела. Я

начала собирать вещи. Невозможно сидеть, не знать, что будет дальше, и смотреть, как люди мрут. У меня на каждое самоубийство была такая реакция: «Все, я уезжаю в Париж без документов!». Но каждый раз Влад меня останавливал.

Влад. Я не знаю, как именно он это сделал, кажется, таблетки. Он очень мало общался с ЛГБТ-сообществом, в моем окружении его никто не знал. Он жил очень далеко, почти на границе с Германией.

Я плакал в первый день, когда узнал. На второй день меня просто накрыло. Я в первой стране мира, которая приняла первые законы о брачном равноправии[8], и

я чувствую себя небезопасно. Может быть, то, что я вижу в лагерях, это вообще другая страна? Условия, в которых я проживаю — в них можно жить три месяца, шесть, но не два года. У меня очень было много соседей, которые не при мне, но пробовали попытки суицида.

Мне кажется, когда кто-то умирает либо совершает попытку суицида, я понимаю их. Я же такой же. Я же тоже не суперсильный, не суперпроработанный. Я плачу, когда люди умирают из моего сообщества.

Катя

Букола. Катя — трансгендерная девушка из Молдовы. У нее была какая-то сильная депрессия. Молдова вообще проблематичный регион, *IND* не понимают, что с ним делать. То есть, с правами ЛГБТ там такая

же сложность, как в России, но это вроде бы кандидат в Евросоюз, поэтому у Кати был предотказ.

Влад. «Преднегатив» — это когда сотрудники *IND* могут открыто сказать: «Скорее всего твое заявление будет отклонено». Какое-то время она жила у нашего друга Никиты, он прятал Катю от депортации. Как именно она себя убила, не знаю, но это уже было на территории лагеря.

Букола. О Катиной смерти я узнала от подруги Алины. Она тоже из Молдовы, сейчас уже получила убежище. Но тогда у нее был отказ от *IND*, она его оспорила, потратила на это два с половиной года. Тогда это была очень долгая процедура, люди тогда получали убежище за 6-7 месяцев, это максимум был, а она три года просидела в лагерях, где тоже сталкивалась с трансфобией. Ее называли мужиком, селили в одну комнату с мужчинами.

Фрагмент перформанса Буколы Оджо. Коллаж: Мария Толстова / Медиазона

Антонина

Влад. Буквально недели через две после смерти Кати мы узнали о самоубийстве Антонины Бабкиной. Это все происходит в декабре-январе, самые депрессивные месяцы. Наверное, у людей есть какая-то надежда, что вот сейчас начнутся праздники, что сейчас мы получим позитив, все будет хорошо — но нет, их просто продолжают дальше мариновать.

Букола. Она умерла в своей квартире. То есть она получила статус беженки и совершила суицид уже на свободе. Огромная проблема, что люди два года несамостоятельные — как люди после тюрьмы выходят, совершают преступление и обратно садятся, так и здесь. Они привыкли к этой системе, а что делать в нормальном мире, не знают.

Влад. Тебя лишают права на работу и тебе приходится доказывать, что оно у тебя есть. Общество тебе как бы говорит: «Успокойся, посиди в лагере, мы из тебя сделаем иждивенца». А потом человек не знает, что дальше. Он потерял свои цели, потерял часть своей жизни. И люди не могут ответить себе на вопрос, что делать, попадают в еще более депрессивное состояние. И из него выбраться даже сложнее, чем из лагеря.

Букола. Это была очередная смерть в этой прекрасной стране, и после этого я начала жестко отговаривать друзей ехать сюда. Одного вообще развернула прямо в аэропорту, он политический. Я сказала: «Нет, ни в коем случае».

Влад. Я даже обсуждал это с психотерапевтом: я говорю, я не выдерживаю, мне сложно, я не понимаю, почему они сдаются и прекращают жизнь так. У меня

был прям разговор очень глубокий, типа, для меня это не ок, я прохожу через весь этот пиздец, через вот все эти системы, через какие-то загоны. А что я могу еще сделать? Я уже живу два года без документов. Типа что еще? Какой следующий шаг? Самому вешаться, как всем остальным?

Снова митинг

Влад. Летом 2023 года Россия разбомбила Каховскую ГЭС, и *Free Russia NL* переключилась на помощь Украине. С тех пор их россияне не интересуют. Следующий митинг был с крупными организациями иммигрантов *MiGreat* и *VWN*[9], я участвовал в организации. Он был общий, про всех просителей убежища. Было порядка 300 человек, мы требовали ускорения выдачи *BSN*[10], чтобы люди могли себя обеспечивать. Следующие митинги уже были малочисленные, но на них приходили СМИ и местные депутаты.

Больше всего мне понравилось собирать гуманитарную помощь для беженцев вместе с еще одной иммигрантской организацией *Soyka NL*. Украинские беженцы не живут в лагерях и сразу могут работать, а русские беженцы, грубо говоря, просят носки и трусы, у них просто нет денег, чтобы что-то себе позволить, и нет возможности выйти на работу. И это встречает непонимание, типа: «О вас же заботятся». А у меня 12 евро в неделю, я мыло выпрашиваю.

Парень из Эфиопии

Влад. В моем лагере в июне [2024 года] покончил с собой гей из Эфиопии. Мы не были знакомы, но я видел несколько раз, как он обращался за помощью в *GZA*[11], в *COA*, но помощи, как я понимаю, не получил. Наш лагерь — это лодки на воде, в которых живет тысяча человек. Он выпрыгнул за борт. Его попытались спасти как-то, откачать, к сожалению, не смогли. В итоге *COA* сказали, что у него были проблемы с головой и его часто «звали голоса», поэтому они просили это не называть суицидом, а говорить, что он умер из-за болезни.

Букола. Суициды происходят из-за неопределенности. Процедура настолько затянутая, что ты не понимаешь, когда ты из нее выйдешь.

Кровать

Букола. Я заметила, что наша волна эмиграции в плане искусства принесла очень мало. Потому что, если судить по белой эмиграции, там было много произведений искусства. Люди делали материал. Эта волна разочаровывала.

А потом приехала группа *allrightsreversed.art*. Когда они приехали с первой выставкой *After Shock*, мне очень понравилось. Мне нравилась вообще идея делать выставки именно по российской тематике. Потому что рефлексия — это то, чем занимаются русские иммигранты миллион лет.

Я решила с ними посотрудничать, волонтерила на их выставках. Потом, когда они приехали с выставкой *Artists Against Kremlin*, я написала им огромное письмо. И в конце было написано: «Как мы будем бороться против Кремля, если мы умираем в лагерях?». Так как неправильно просто просить у людей помощи, я предложила что-нибудь сделать. Они мне предложили сделать вот эту кровать с веревкой — веревка и мыло как недостающие элементы беженского набора. Этот перфоманс я делала с их ячейкой *artist+error*.

Мне понравилась эта работа. Мы ее делали в ноябре в лагере у меня, вот на полянке. И с Владом реализовали эту работу — напротив здания *IND* в Гааге тоже выставили кровать. Вообще это было задумано как просто собрать фотоматериал, но Влад умничка, он умеет выбивать места, чтобы полиция к тебе не докапывалась. Мы с этой кроватью стояли вообще легально где-то даже больше часа. И я уже начала наглеть, я уже начала с этой петлей заходить в здание *IND*.

Влад. Я так орал с этого!

Долматов

Влад. Все проблемы, которые сейчас мы видим, были и десять лет назад. Они сейчас достигают своего апогея. И мы не просто так о них говорим. Они были и в 2013 году. А сейчас, так как была большая волна миграции в Нидерланды, мы видим ее результаты. Что не только один Долматов умер, а люди продолжают умирать.

Букола. Это удивительная история, потому что Александр Долматов приехал в Нидерланды прямо с Болотной площади, когда были уже протесты на Болотной — то есть у него реально был кейс. И *IND* дала ему отказ. Тогда были прямые рейсы, и человека отправить в Россию было очень просто. Он написал в своей предсмертной записке: «Мам, я не хочу вернуться предателем Родины, прости меня, пожалуйста». И повесился.

контент по ссылке

Twitter

KashinKashinKaşhin on Twitter / X

Записка Александра Долматова виа Шаргунов.
pic.twitter.com/IrxoKqJ8— KashinKashinKaşhin (@KSHN) January 18, 2013

https://twitter.com/KSHN/status/292329519237435394

Я делала проект один с *FAR Utrecht* — это ячейка ФАС-[12] — с розовым гробом. Я выносила гроб розовый напротив посольства России, это был гроб как подарок Путину. Мне написали из Партии мертвых: «Прикольная идея, где взяли этот гроб?». Я знала о Партии из песни Хаски «Реванш», а тут захотела с ними заколлабиться.

Мне вообще нравится идея похорон, вся эта похоронная ортодоксальная тематика, свечи. Я подумала: почему бы не сделать поминки Александра Долматова? Потому что поминки суицидников никто не устраивает в православной церкви. И никто в честь него ничего не делал. Это очень странно и больно,

потому что человек умер 10 лет назад и как будто ничего не произошло.

Букола Оджо и Илья Яшин с фотографией Александра Долматова. Коллаж: Мария Толстова / Медиазона

Яшин

Букола. Мы с Владом задумали пригласить Илью Яшина, когда он еще в тюремной робе спускался по трапу[13] в Кельне. Это совпало как раз с перфомансом с кроватью. Мы сидели в поезде и Влад такой: «Давай реально пригласим Яшина!» А что, мы беззубые беженцы, живем на 72 евро, почему бы и не пригласить. А кто нам что скажет?

Это было в шутку сказано. Еще Кара-Мурзу сюда пригласим...

Букола. ...и Оксимирона. Чтобы свой «Горгород» зачитал здесь, чтобы к русским не приставали.

Влад. Мне нравится Яшин, потому что он называет себя *российским* политиком. Когда он вышел из тюрьмы и на камеру сказал, что мобилизованные, которых насильно посылают в армию, это тоже жертвы, что русские и россияне — тоже жертвы войны и репрессий, мне очень сильно понравился этот спич. Он у меня вызвал доверие.

Букола. У меня был план позвать хоть кого-нибудь. Потому что никто вообще никуда не приезжал. Все

сначала приезжают на концерт Земфиры, потом проводят лекцию и уезжают — и все, как будто бы нас не существует.

Российская эмиграция — я не знаю, с чем это связано — боится рефлексировать в отношении России. Они выезжают из России и уже себя не ассоциируют с русскими. И они очень этого боятся. Когда я пришла в кокошнике на встречу[14] к Яшину, на меня очень страшно смотрели. То есть люди испугались, когда я пришла в кокошнике. Я считаю, что рефлексия и российский вайб — это самое крутое.

Когда я смотрела «Дождь» в России и выходила на митинги, они со мной говорили на одном языке. Когда они все уехали за границу, я перестала узнавать их. Они начали говорить по-другому, быть не андеграундом, а богемой. А я чувствую себя на их фоне кривозубой крестьянкой.

Влад. Насчет кокошника — на нее смотрели, как на больную. «Ты что, из России? У тебя там корни?!».

Букола. Я весь вечер бегала вокруг его помощницы: «Можно вопрос, можно вопрос, можно вопрос?». И в конце я не удержалась и крикнула на весь зал: «У нас пять суицидов в год, можно микрофон нам?». Она: «А почему так агрессивно?».

Влад. Я после ее возгласа встал, говорю: «Я не знаю, кто эта девушка, но мы договаривались с организаторами задать этот вопрос. Можно, пожалуйста, мне его задать?». И я его задаю.

Букола. Я вообще не ждала, что он приедет, не верила, что кто-то приедет — максимум доверенное лицо. Но я никогда не думала, что Яшин явится.

[К его приезду] нужно было готовиться. Я обратилась в *СОА* и сказала: у меня будут поминки бабушки, пустите, пожалуйста, 30 человек. Они сказали: «Букола, ты оборзела, сначала кровать с веревкой, теперь какая-то бабушка». Отказали. Я начала наглеть и решила, что мне нужно тайно всех провести, зарегистрировала только Яшина. Первая группа людей прошла мимо охранников, а вторую группу мы уже официально зарегистрировали. Я ждала там, где нет камеры: если бы меня рядом увидели, их бы просто не пустили в лагерь.

Я не знала вообще, как он отреагирует. Увидит наши зеленые полянки и скажет — ну что вы, у меня ШИЗО было хуже.

Влад. В свите Яшина была только представительница Антивоенного комитета. И [Валерия] Ратникова с «Дождя» с ним в одной машине приехала. Нас было примерно 30 человек: половина — просители убежища, половина из НКО: были *Soyka NL*, это зарегистрированная инициатива помощи русскоязычныим иммигрантам, и «*Вольница NL*» — у них нет пока регистрации, это пока такой мигрантский клуб по интересам.

Букола. Я специально запланировала встречу без модерации, чтобы это был такой квартирник, чтобы люди могли свои вопросы задавать. И когда мои соседи, которые полгода мне говорили: «Зачем ты этим занимаешься, у нас никаких проблем нет,

мы шесть лет еще просидим», стали говорить о проблемах, я почти расплакалась.

Влад. Мне понравилось, что это было обычное общение с обычным человеком. Каким же, как мы. Сам Яшин, кстати, это человек с огромным уровнем эмпатии. Он пришел и начал конструктивный диалог. Он разделял ответственность: где наши проблемы, которые мы сами должны решить, где не наши, где он может помочь.

Букола. Мы совместно с беженскими инициативами *«Вольница NL»* и *Soyka NL* подготовили ему письмо открытое со списком беженцев, которые находятся в процедуре 20+ месяцев. И он подписал это письмо, то есть он согласился на него, и это письмо будет передано в иммиграционные органы.

И он предложил сам сделать круглый стол с политиками нидерландскими, с прессой и с представителями от *IND*. Буду ли я голосовать за Яшина? Не знаю, я сама буду баллотироваться в губернаторы Брянской области!

Влад. А я буду голосовать за Буколу.

Как устроена жизнь просителя убежища в Нидерландах

В стране есть два первичных пункта размещения просителей убежища: в Тер-Апель отправляются те, кто прибыли в Нидерланды по земле, в Схипхол — те, кто попросили убежища в одноименном аэропорте. Оджа и Влад познакомились в Схипхоле.

Когда просители убежища подают заявление в IND, их размещают в одном из лагерей для беженцев (azs). Жилье в этих учреждениях очень разное: есть палаточные городки, есть кампусы с корпусами, похожими на студенческие общежития, есть площадки с бытовками, как на стройках.

Букола живет в лагере, состоящем из крохотных домиков (она называет их «бунгало»), лагерь, где живет Влад — это два пришвартованных корабля на 500 мест каждый.

Жить в лагере обязательно, каждую неделю нужно отмечаться. Сейчас из-за большого наплыва беженцев некоторым из них дают разрешение жить вне лагеря, если найдется голландец, который примет у себя мигранта (это называется «жизнь в семье» — в основном такой благотворительностью занимаются религиозные семьи), но все равно надо раз в неделю отмечаться в своем лагере.

По закону прошение об убежище рассматривают 15 месяцев, из-за миграционного кризиса этот срок фактически не соблюдается, и прогнозировать, насколько растянется процедура, невозможно.

На время рассмотрения проситель получает койку, небольшое пособие (12 евро в неделю). В некоторых лагерях кормят бесплатно, в других пособие больше, но еду покупать надо самостоятельно.

Лечение также бесплатно — через систему GZA. Это нечто вроде страховки для беженцев.

Просители убежища могут работать, но только при условии, что работодатель подаст запрос в COA на конкретного работника, COA его одобрят и проситель убежища сможет оформить себе BSN. Процедура занимает три месяца, большинство работодателей на это не готовы. При смене работы

новый работодатель должен подавать запрос заново.
IND проводит с просителем несколько интервью. Ближе к концу процедуры чиновники могут сообщить о предварительном результате — «предпозитиве» или «преднегативе». Отказ в убежище можно оспорить в суде в нескольких инстанциях.
Получив убежище, беженец обычно продолжает жить в лагере в ожидании очереди на социальное жилье (если не зарабатывает достаточно, чтобы арендовать квартиру). Такое жилье предоставляется сначала бесплатно, но по мере интеграции за него начинают брать оплату, постепенно повышая сумму.
По данным на 1 января 2024 года, в стране находились 64 405 просителей убежища.
Украинские беженцы находятся под субсидиарной защитой ЕС, не считаются просителями убежища, не проходят соответствующую процедуру и не подлежат обязательному размещению в лагерях.

Редакторы: Карен Шаинян (Just Got Lucky), Дмитрий Ткачев («Медиазона»)

Исправлено 21 декабря в 12:00. Рассказывая о самоубийстве Михаила Зубченко, Букола Оджо спутала две истории — самого Зубченко и другого беженца из России Романа Трегубова, который комментировал его гибель в твиттере. Порезы наносил себе сосед Трегубова, а не Зубченко. *Just Got Lucky* и «Медиазона» приносят извинения всем людям, которых лично задела эта ошибка.

1. Centraal Orgaan opvang asielzoekers, Центральное агентство по приему просителей убежища.

2. Asz, сокращенное название центров или лагерей, где размещают прибывающих в страну просителей убежища (asielzoekers).

3. Сотрудников COA.

4. Immigratie en Naturalisatiedienst, служба иммиграции и натурализации.

5. Рассказ Буколы и Влада записан 9 декабря.

6. Информация о причинах отказа всегда конфиденциальна. Однако Букола Оджо настаивает, что людям, обратившимся за убежищем из-за своей бисексуальности, IND отказывает в большинстве случаев.

7. Букола Оджо путает две истории — самого Михаила Зубченко и другого беженца из России Романа Трегубова, который прокомментировал его гибель в твиттере. Порезы наносил себе сосед Требугова, а не Зубченко. Сравнение лагерей для беженцев с фильмом Ларса фон Триера «Догвилль» также взято из твита Трегубова. Оставил ли Зубченко предсмертную записку, неизвестно.

8. С 2001 года супруги одного пола в Нидерландах имеют те же права, что и разнополые пары — в том числе, право усыновлять детей.

9. VluchtelingenWerk Nederland, Нидерландский совет по делам беженцев — правозащитная НКО, которая помогает просителям убежища пройти процедуру.

10. Burgerservicenummer, индивидуальный номер, который указывается во всех документах и требуется при трудоустройстве.

11. Gezondheidszorg Asielzoekers, медицинская служба для просителей убежища. Выполняет функции страховой компании и содержит медпункты в лагерях.

12. Феминистское антивоенное сопротивление.

13. 2 августа 2024 года осужденного на 8,5 лет колонии политика Илью Яшина и других российских политзаключенных и иностранцев-заложников обменяли на провалившихся агентов ГРУ и хакеров.

14. 8 августа Яшин встретился с российскими эмигрантами в берлинском Мауэрпарке.